

Лебедева Юлия Николаевна

**ФЕНОМЕН БЮРГЕРСТВА И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ МЕТОД
РОМАНОВ ТОМАСА МАННА**

Специальность 10.01.03 — Литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2015

Работа выполнена на кафедре истории зарубежной литературы
филологического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Чавчанидзе Джульетта Леоновна

Официальные оппоненты: **Павлова Нина Сергеевна**
доктор филологических наук, профессор
Российский государственный
гуманитарный университет, профессор
кафедры сравнительной истории
литератур историко-филологического
факультета Института
филологии и истории

Стрельникова Алла Алексеевна
кандидат филологических наук,
ГОУ ВПО «Московский
государственный областной
университет», доцент кафедры истории
зарубежных литератур

Ведущая организация: Институт научной информации по
общественным наукам
РАН

Защита состоится « » января 2015 г. в 16:00 на заседании диссертационного
совета Д 501.001.25 при Московском государственном университете им. М.
В. Ломоносова по адресу: ГСП-1, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ
им. М. В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского
государственного университета им. М. В. Ломоносова и на сайте
<http://www.philol.msu.ru>

Автореферат разослан « » _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета, доцент

А. В. Сергеев

ФЕНОМЕН БЮРГЕРСТВА И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В РОМАНАХ ТОМАСА МАННА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Бюргерство – один из основных предметов, определяющих мировоззрение и литературное творчество Томаса Манна (Thomas Mann, 1875 – 1955). У писателя выделяются три составляющих темы бюргерского: социальная, мировоззренческая и литературная. Он родился в состоятельной купеческой семье и всю жизнь был связан с бюргерским обществом. Еще в ранней юности, увлекшись чтением Шопенгауэра и Ницше, писатель переосмыслил судьбу европейского бюргерства на рубеже XIX – XX в. и свою собственную судьбу художника с бюргерскими корнями. Однако бюргерское начало для Т. Манна не было абстрактной социальной или философской категорией: оно было частью той реальности, которую он пытался творчески познать и изобразить.

Этим компонентам понимания бюргерского начала соответствуют основные перспективы изучения данной темы. Социальное окружение писателя и философия, лежащая в основе фигуры бюргера у Т. Манна, освещены как в немецком, так и в отечественном литературоведении. Значение же бюргерского начала непосредственно для литературной формы и стиля, его роль на уровне повествования не становились прежде предметом непосредственного изучения. Важность бюргерского начала для Т. Манна, его своеобразная и глубокая интерпретация сущности немецкого и европейского бюргерства не могли не отразиться на его повествовательном методе. Анализ манифестации бюргерского начала на уровне повествования дополнит созданную исследователями картину творчества писателя, но требует особого методологического подхода.

Степень изученности вопроса. Т. Манн – признанный классик немецкой литературы и один из самых популярных авторов по количеству посвященных ему исследований. Бюргерская тематика в его творчестве стала отдельной проблемой изучения начиная с Первой мировой войны и в особенности с конца 1920-х гг.¹ При этом интерес критиков зачастую носил идеологизированный характер².

Социальный подтекст в картинах бюргерского мира, изображенных Т. Манном, разбирает Г. Лукач³. Изображение упадка немецкого сословного бюргерства в лице Будденброков и появление Хагенштремов, буржуа нового типа, видит в «Будденброках» Б. Целлер⁴. В духе Макса Вебера роман интерпретирует П. П. Саваж⁵. В дальнейшем исследователи сосредотачивались на культурно-историческом анализе текстов писателя, на его понимании «действительности» и ее отражении в произведениях⁶. Популярным направлением стало воссоздание колорита эпохи, поиск зашифрованных социально-исторических реалий и прототипов манновских персонажей⁷.

¹ К примеру, Ganz, H. Bürger Thomas Mann // Berliner Volkszeitung. Berlin –15. Oktober 1926 – Jg. 74; Bab, J. de. Vom Geiste des Bürgertums. (Über Galsworthys „Forsyte Saga“, Thomas Manns „Buddenbrooks“ und Heinrich Manns „Der Untertan“) // Deutsche Republik. Frankfurt a. M. – 1926/1927 –Jg 1 – Н. 13, S. 6 ff.

² К примеру, статья 1925 г. Ф. Штриха, основной пафос которой состоит в защите консервативных идеалов немецкого образованного бюргерства. (Strich, F. Thomas Mann und die bürgerliche Zivilisation // Neue Rundschau. Berlin – Juni 1925 – Jg. 36 – Н. 6, S. 552 – 578).

³ Особенно важна в этом отношении поздняя статья Лукача «В поисках бюргера» (Lukács, G. Auf der Suche nach dem Bürger // Lukács, G. Faust und Faustus. Reinbek: Rowohlt-Taschenbuch-Verlag, 1967. S. 214 - 238).

⁴ Zeller, M. Bürgeroder Bourgeois? Stuttgart, 1976.

⁵ Savage, P.-P. Zur Geschichtlichkeit von Thomas Manns Jugendroman: Bürgerliches Klassenbewußtsein und kapitalistische Praxis in „Buddenbrooks“ // Literaturwissenschaft und Geschichtsphilosophie / Hrsg. H. Arntzen, B. Balzer, K. Pestalozzi, R. Wagner. Berlin: de Gruyter, 1975. S. 436 – 449.

⁶ См.: Grau, H. Die Darstellung gesellschaftlicher Wirklichkeit im Frühwerk Thomas Manns. Freiburg im Breisgau, Univ., Diss., 1971; Reed, T. J. Thomas Mann. The Uses of Tradition. Oxford: Clarendon Pr., 1976; Reed T. J. „...das alles verstehen und alles verzeihen heisse...“. Zur Dialektik zwischen Literatur und Gesellschaft bei Thomas Mann // Internationalles Thomas-Mann-Kolloquium 1986 in Lübeck / Hrsg. C. Bernini, Th. Sprecher, H. Wysling. Bern: Francke, 1987. S. 159 – 173.

⁷ См.: Thomas Mann. Ein Leben in Bildern / Hrsg. H. Wysling, Y. Schmidlin. Zürich: Artemis, 1994. S. 98 – 111. Moulden, K. Die Figuren und ihre Vorbilder // Buddenbrooks-Handbuch / Hrsg. K. Moulden, G. von Wilpert. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1988. S. 11 – 25; Buddenbrooks. Dichtung und Wirklichkeit. Bilddokumente / Hrsg. H. Dräger. Lübeck, 1993; Die Welt der Buddenbrooks / Hrsg. H. Wißkirchen. Frankfurt a. M.: Fischer, 2008.

В 1930-ые гг. тема бюргерского в исследованиях о Т. Манне отходит на второй план. Она вновь становится актуальной в критических отзывах о писателе во время Второй мировой войны в связи с вопросом о характере немецкой культуры и судьбы Германии⁸.

Основная работа по освоению, изданию и интерпретации наследия Т. Манна была начата в конце 1950-х гг. Этому поколению принадлежат крупнейшие исследователи: П. де Мендельссон, Г. Ленерт, Г. Майер, Г. Висскирхен, Г. Коопманн, Г. Вюзлинг, Т. Дж. Рид, Г. Курцке и др. С конца 1960-х гг. пишутся многочисленные биографии Т. Манна. Один из первых его биографов П. де Мендельсон подробно описывает бюргерское происхождение писателя и прототипы его персонажей⁹ на основе в том числе и личных бумаг семьи Манн. Его работа, однако, носит в основном компилятивный и фактологический характер. Важным фундаментальным исследованием является книга Г. Курцке «Томас Манн. Эпоха, творчество, влияние»¹⁰. Исследователь разъясняет социально-культурный подтекст раннего творчества Т. Манна и роль бюргерства в мировоззрении писателя. Курцке говорит о глубоком зазоре между рассуждениями писателя в эссеистике, жонглирующей чужими мыслями, и его художественным творчеством. Настоящая работа использует данное наблюдение как

⁸ К примеру, Allason, B. Thomas Mann, poeta civile // Nuova Europa. Roma. – 31 dicembre 1944 – Jg 1, S. 8; Mayer, H. Thomas Mann als bürgerlicher Schriftsteller // Mayer, H. Literatur der Übergangszeit. Essays. Berlin: Volk & Welt, 1949. S. 156 – 163; Krüger, H. Bürgertum und Künstlertum – die Problematik Thomas Manns // Krüger, H. Zwischen Dekadenz und Erneuerung. Versuche zur geistigen Besinnung. Frankfurt a. M.: J. Knecht, 1953. S. 115 – 122. Тема «Томас Манн и Германия», включающая в себя «бюргерский вопрос», станет в дальнейшем важным направлением исследований творчества писателя. См.: Goll, T. Die Deutschen und Thomas Mann: die Rezeption des Dichters in Abhängigkeit von der politischen Kultur Deutschlands 1898 – 1955. Baden-Baden: Nomos-Verl.-Ges., 2000; Strobel, J. Entzauberung der Nation. Dresden: Thelem bei w.e.b.-Univ.-Verl., 2000; Bollenbeck, G. Politik drängt sich auf. "Bürgerliches Künstlertum" und reflexives Sonderwegbewußtsein bei Thomas Mann // Dichter und ihre Nation / Hrsg. S. Helmut. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1993. S. 392 – 410.

⁹ Mendelssohn, P. de. Der Zauber. Das Leben des deutschen Schriftstellers Thomas Mann. 3 Bände. 2. Aufl. Frankfurt a. M.: Fischer, 1996.

¹⁰ Kurzke, H. Epoche, Werk, Wirkung. München: Beck, 1985.

необходимое для особого анализа воплощения бюргерского начала в романах Т. Манна.

Основные координаты в понимании бюргерской тематики у Т. Манна – представление о конце бюргерской эпохи и внимание к антитезе «художник – бюргер»¹¹. К примеру, Г. Майер в своей книге 1980 г. «Томас Манн» говорит, что «кажущаяся противопоставлением [антитеза „художник – бюргер“ – Ю.Л.] сама является продуктом бюргерской эпохи на ее исходе»¹². Гораздо более полемичной на фоне книги Майера выглядит статья Г. Коопманна «Бюргерское начало у Томаса Манна»: «Весной 1904 г. столь знаменитая проблематика «художник – бюргер» на тот момент себя исчерпала, она продолжает жить единственно в умах его толкователей»¹³. Основную аргументацию Коопманн черпает из биографических подробностей жизни писателя. Преувеличенность вывода исследователя очевидна, однако, не вызывает нареканий мысль об укорененности Т. Манна в бюргерском мире, неотрефлектированности собственного бюргерского габитуса вплоть до Первой мировой войны, когда бюргерское начало становится для писателя «проблемой самопонимания»¹⁴. По Коопманну, Т. Манн изменяет бюргерской «форме жизни» лишь после столкновения с национал-социализмом.

¹¹ Показательно, что в библиографии 1972 г. «Литература о Томасе Манне» бюргерство упомянуто именно в главе «Проблематика „художник – бюргер“» (Matter, H. Die Literatur über Thomas Mann. Eine Bibliographie. 1898 – 1969. 2 Bänden. Berlin: Aufbau-Verl., 1972).

¹² Mayer, H. Thomas Mann. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1980. S. 40.

¹³ Koopmann, H. Thomas Manns Bürgerlichkeit // Thomas Mann. 1875 – 1975 / Hrsg. B. Bludau, E. Heftrich, H. Koopmann. Frankfurt a. M.: Fischer, 1977. – S. 39 – 60. Hier – S. 40.

Коопманн прибегает в своей статье к одному из основных понятий, связанных с феноменом бюргерства у Т. Манна – «бюргерскости» (Bürgerlichkeit). Согласно формулировке М. Р. Лепсиуса, «бюргерство представляет собой сообщество представителей среднего класса, бюргерскость (Bürgerlichkeit) – типичный образ жизни этого сообщества», обладающий определенной независимостью от дохода, профессии и политических убеждений (Lepsius, M. R. Zur Soziologie des Bürgertums und der Bürgerlichkeit // Bürger und Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert / Hrsg. J. Kocka. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1987. S. 96).

¹⁴ Koopmann. Op. cit. S. 47.

Биографический подход в исследованиях о Т. Манне связан с особенностями его работы над текстом, с потребностью в жизненном материале, будь то история самого автора, чужая история или мысль или даже другое произведение любого вида искусства. В случае с темой бюргерского биографический подход также связан с ролью представителя немецкой культуры, которую Т. Манн играл в глазах современников. В юбилейный 1975 г. Г. Ленерт выступает с докладом об отношениях между писателем и его публикой, основную массу которой составляло образованное бюргерство (Bildungsbürgertum)¹⁵. Ленерт описывает путь Т. Манна от аполитичного средневекового понятия о бюргерском к политически ангажированной позиции представителя немецкой культуры. Продолжением размышлений Ленерта является разрабатываемый в современном литературоведении подход к творчеству писателя в русле теорий самопрезентации и самоинсценирования¹⁶.

Интересна в этом отношении интерпретация позиции Т. Манна в литературном поле и связанных с ней особенностей его поэтики, предложенная Т. Лерке¹⁷. Исследователь следует логике П. Бурдьё, разделяющего экономическое и литературное поля, и пишет об уникальном для первой половины XX в. положении Т. Манна на стыке бюргерского мира (следующего, по Лерке, законам экономического поля) и литературного авангардизма. М. Йох также основывается на теории Бурдьё, но полностью

¹⁵ Lehnert, H. Thomas Mann: Schriftsteller für und gegen deutsche Bildungsbürger // Thomas Mann-Jahrbuch 20. Beiträge der Lübecker Tagung 2006 „Abschied und Avantgarde“ / Hrsg. Th. Sprecher, R. Wimmer. Frankfurt a. M.: Klostermann, 2007. S. 9 – 27.

¹⁶ К примеру, Delbar, W. Der Autor als Repräsentant, Thomas Mann als Star. Aufstieg und Niedergang der öffentlichen Funktion des Autors im 20. Jahrhundert // Schriftsteller-Inszenierungen / Hrsg. G. E. Grimm, C. Schärf. Bielefeld: Aisthesis, 2008. S. 87 – 102; Thomas Mann. Neue Wege der Forschung Heinrich / Hrsg. H. Detering und St. Stachorski. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2008.

¹⁷ Lörke, T. Bürgerlicher Avantgardismus. Thomas Manns mediale Selbstinszenierung im literarischen Feld. Thomas Mann-Jahrbuch 23 / Hrsg. Th. Sprecher, R. Wimmer. Frankfurt a. M., 2013. S. 61 – 77.

сосредотачивается на социальной истории литературы¹⁸. Анализ Йоха позволяет охарактеризовать специфику, функциональность высказываний Т. Манна о бюргерстве.

Бюргерское начало также становится предметом исследования в монографиях, посвященных другим темам, прежде всего, пониманию Т. Манна природы искусства, идеала ремесленника, роли естественных наук и мотиву болезни, распада¹⁹. Однако ни в этих работах, ни в других – об особенностях повествования у Т. Манна тема бюргерского не рассматривается как один из источников его писательского метода²⁰.

В отечественном литературоведении освоение творческого наследия Т. Манна также начинается с конца 1950-х гг. Произведения писателя активно переводятся на русский, уже в 1959 - 1961 гг. выходит собрание сочинений в десяти томах²¹. В последующие годы творчество Т. Манна рассматривается в ряде монографий, сборников и научных статей²².

Тема бюргерского затрагивалась отечественными исследователями в основном в связи с ранним творчеством писателя, в особенности с романом «Будденброки». Например, А. В. Русакова подводя итог дискуссии о

¹⁸ Joch, M. *Bruderkämpfe. Zum Streit um den intellektuellen Habitus in den Fällen Heinrich Heine, Heinrich Mann und Hans Magnus Enzensberger.* Heidelberg: Winter, 1999.

¹⁹ К примеру, Pütz, P. *Kunst und Künstlerexistenz bei Nietzsche und Thomas Mann. Zum Problem des ästhetischen Perspektivismus in der Moderne.* (1963). 2. Auflage. Bonn: Bouvier, 1978; Schubert, B. *Thomas Mann. Die Vernünftigkeit der bürgerlichen Lebensform und die Verwegenheit der Kunst. Entwurf und Zurücknahme des Ideals vom deutschen Handwerkerkünstler // Schubert, B. Der Künstler als Handwerker.* Königstein/Ts.: Athenäum, 1986. S. 150 – 218; Thomas Mann und die Wissenschaften. Buddenbrookhaus, Heinrich- und Thomas-Mann-Zentrum / Hrsg. D. von Engelhardt, H. Wißkirchen. Lübeck: Dräger, 1999; Herwig, M. *Bildungsbürger auf Abwegen: Naturwissenschaft im Werk Thomas Manns.* Frankfurt a. M.: Klostermann, 2004.

²⁰ К примеру, Petersen, J. *Die Rolle des Erzählers und die epische Ironie im Frühwerk Thomas Manns: ein Beitrag zur Untersuchung seiner dichterischen Verfahren.* Köln, Univ., Diss., 1967; Ernest, W. M. *Scheidung und Mischung: Sprache und Gesellschaft in Thomas Manns Buddenbrooks // Thomas Manns Buddenbrooks und die Wirkung.* 2 Bd. / Hrsg. R. Wolff. Bonn: Bouvier, 1986. 1. Bd. S. 75 – 94; Abadi, E. *Erzählerprofil und Erzähltechnik im Roman "Der Zauberberg": eine Untersuchung zu Auktorialität und Perspektive bei Thomas Mann.* Münster: Lit, 1998.

²¹ Собрание сочинений в 10 т. М.: Гослитиздат, 1959 - 1961.

²² Русакова, А. В. *Томас Манн в поисках нового гуманизма.* Л.: Издательство Ленинградского университета. 1969; Апт, С. К. *Томас Манн.* М.: Жизнь замечательных людей, 1972; Кургинян, М. С. *Романы Томаса Манна. Формы и метод.* М.: Художественная литература, 1975; Русакова, А. В. *Томас Манн.* Л.: Издательство Ленинградского университета. 1975; Апт, С. К. *Над страницами Томаса Манна.* М.: Советский писатель, 1980; Апт, С. К. *Над страницами Томаса Манна.* М.: Советский писатель, 1980.

бюргерстве у Т. Манна, критикует и трактовку бюргерского в качестве синонима интеллигентности и гуманизма («бюргерское начало теряет свой социальный смысл, расплываясь и теряя свои очертания»²³), и тенденцию рассматривать роман вне культурно-исторического контекста. С. Апт достаточно подробно описывает бюргерское происхождение Т. Манна, подчеркивая значение и своеобразие традиционного уклада жизни ганзейского бюргерства. Исследователь проводит анализ философских предпосылок творчества писателя, важных для темы бюргерского, но не разбирает ее напрямую.

Особый интерес для настоящей работы представляет проведенное М. С. Кургинян исследование повествования в «Будденброках», в особенности анализ повествовательной стратегии в главе об одном дне из жизни Ганно²⁴, а также опыт Н. С. Павловой, описывающей связь писательского стиля Т. Манна с его мировоззрением.

В последнее время творчество немецкого классика стало предметом исследования целого ряда кандидатских диссертаций²⁵.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью важного для творчества Т. Манна феномена бюргерства с точки зрения повествования. В частности, никогда не проводился сравнительный анализ «Буденброков» и семейных бумаг Маннов, ставших одним из документальных источников романа. Между тем, язык повествования, отчасти образный ряд и повествовательные структуры во многом зависят от используемого писателем материала. В отечественном

²³ Русакова. Указ соч. С. 8.

²⁴ Кургинян, М. С. Указ. соч. С. 95 – 162.

²⁵ К примеру, Боровкова, Н. В. Проблема человека в художественной историософии М. Горького и Т. Манна: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Магнитогорск, 2006; Мельник С. П. Культурософская публицистика Томаса Манна: социокультурный контекст, гуманистический идеал, мифопоэтика: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Воронеж 2006; Петров Д. С. Томас Манн как мыслитель и гуманист. Опыт социально-философского анализа. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2003.

литературоведении тема бюргерского в его творчестве до сих пор не становилась отдельным предметом исследования.

Цель данной работы состоит в анализе процесса претворения бюргерского социально-культурного контекста в повествовательные структуры в романах Т. Манна, прежде всего в «Будденброках». Кроме того, важно осветить значение этой по своей сути социальной категории для художественного текста, проанализировав перспективу повествования, и проследить, какие изменения переживают повествовательные структуры, связанные с бюргерской «формой жизни» в более поздних романах писателя.

Данная цель определила **задачи исследования**: 1. Провести сравнительный анализ семейной книги Маннов и романа «Будденброки»; 2. Выявить структурные особенности романа, связанные с бюргерской семейной хроникой; 3. Исследовать отношение повествователя к изображаемому в «Будденброках» бюргерскому миру и персонажам; 4. Проследить «бюргерские» черты в перспективе повествования; 5. Рассмотреть роль бюргерского габитуса на уровнях сюжетосложения, системы персонажей и повествования в романах «Признания авантюриста Феликса Круля» и «Волшебная гора»; 6. Исследовать специфику и динамику изображения бюргерского мира в «Признаниях авантюриста Феликса Круля» и «Волшебной горе» в сравнении с «Будденброками»; 7. Проанализировать позицию повествователя по отношению к «нижнему миру» и «бюргерские» черты перспективы повествования в «Волшебной горе».

Предмет исследования – творческий метод, в частности повествовательные стратегии конкретных романов Т. Манна. **Объект исследования** – эссе и статьи писателя, его переписка, романы «Будденброки» (1901), «Признания авантюриста Феликса Круля» (1913, 1954), «Волшебная гора» (1924). Выбор текстов обусловлен важностью романного жанра в наследии Т. Манна, а также тематикой самих

произведений: все три романа в той или иной степени изображают бюргерский мир и судьбу героя бюргерского происхождения. Особое внимание при этом уделено самому раннему роману писателя, которому будет посвящена первая из двух глав диссертации.

«Будденброки» – первый роман Т. Манна, в котором писатель, несмотря на удивительную зрелость стиля, испытывает повествовательные структуры, которые потом станут основой его поэтики. В этом романе бюргерская «форма жизни» воплотилась наиболее непосредственно, что дает возможность проследить, как бюргерский габитус проявляет себя в ткани повествования. Кроме того, причина подробного анализа именно «Будденброков» заключается в том, что при написании этого романа Т. Манн использовал семейные бумаги, которые в свою очередь принадлежат к традиции бюргерских семейных книг. Особое значение при этом имеет так называемая «библия», тетрадь с основными событиями семейной истории. Семейные бумаги Маннов, как и другие материалы к роману, опубликованы в томе с комментариями Э. Хефтрига и Ш. Стахорски к роману «Будденброки» Франкфуртского собрания сочинений писателя (1.2, 496 – 594)²⁶. Кроме того, факсимиле документов из семейного архива в 1965 г. были изданы У. Дицелем²⁷. История написания романа освещена в работе П. Шерера²⁸.

²⁶ Здесь и далее цитаты даются по Mann, Thomas. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Werke – Briefe – Tagebücher. Frankfurt a. M.: Fischer. 2002ff. Согласно с принятой традицией, номер тома и страницы обозначается арабскими цифрами. Первая цифра соответствует номеру тому, вторая после точки – части, третья после запятой – странице. Пер. мой – Ю. Л. Произведения Т. Манна в русском переводе цит. по Собранию сочинений в 10 т. М.: Гослитиздат, 1959 - 1961. Первая римская цифра соответствует номеру тома, вторая арабская – номеру страницы.

²⁷ Aus den Familienpapieren der Manns. Dokumente zu den «Buddenbrooks» / Hrsg. U. Dietzel. Berlin, Weimar: Aufbau, 1965.

²⁸ Scherer, P. Aus Thomas Manns Vorarbeiten zu der „Buddenbrooks“. Zur Chronologie des Romans//Quellenkritische Studien zum Werk Thomas Manns / Hrsg. P. Scherer, H. Wysling. München: Francke, 1967.

Объем исследуемого материала и характер данного исследования, ориентированного на пристальный анализ повествовательных структур, не позволили включить в анализ романы «Лотта в Веймаре» (1939), «Доктор Фаустус» (1947). Выбор перечисленных романов не означает, что в ходе анализа не будет учитываться остальное художественное наследие писателя.

Методология. Традиционный историко-литературоведческий, историко-культурный и сравнительно-типологический анализ будут сочетаться в диссертации с нарратологическим и стилистическим анализом текстов Т. Манна. Особенность данной работы заключается в сопряжении нарратологического и социологического подходов.

Рассмотрение влияния бюргерства как социально-исторического контекста на творчество Т. Манна априори предполагает выход к социологическим категориям. Наиболее близкой теоретической предпосылкой, отвечающей целям настоящего исследования, представляется теория литературного поля (*le champ litterarie*) и понятие габитуса (*habitus*) Пьера Бурдьё. Подход Бурдьё помогает понять не только внешние условия создания и существования литературного произведения, но и то, каким образом эти условия его определяют. Теория Бурдьё позволяет, во-первых, описать особое положение писателя в бюргерском мире и связанные с этой ситуацией особенности его произведений. Во-вторых, она позволяет проследить влияние современных автору социальных реалий, не сводя анализ к поиску параллелей и иллюстраций, и, наконец, четче обозначить бюргерское начало, чтобы проследить его воссоздание в романах Т. Манна.

Положения, выносимые на защиту:

1. Материалы из семейного архива Т. Манна, в особенности «библия» Маннов, принадлежат традиции бюргерских семейных книг и образуют основу повествовательной структуры «Будденброков».

2. Бюргерский габитус во многом определяет отбор элементов и перспективу повествования в «Будденброках». Повествователь следует этой перспективе вплоть до последних страниц романа, несмотря на выход повествования за структурные рамки семейной книги и «распад» описываемого мира.
3. Бюргерский мир является отправной точкой в развитии сюжета и становлении протагониста в «Признаниях авантюриста Феликса Круля» и «Волшебной горе».
4. Повествовательный опыт «Будденброков» используется в более поздних романах «Признания авантюриста Феликса Круля» и «Волшебная гора» вплоть до повтора отдельных структур и приемов. Таким образом происходит осознание и переосмысление бюргерского начала на уровне повествования.
5. Несмотря на стремление дистанцироваться от бюргерского мира и ироничное к нему отношение, повествователь в поздних романах Т. Манна по-прежнему сохраняет бюргерский габитус, который зачастую определяет характер повествования в романах. Такая позиция манновского повествователя не совпадает с пониманием бюргерства в эссеистике писателя и может быть описана посредством сочетания нарратологического и социологического методов исследования.

Научная новизна. Настоящее исследование дополняет начавшийся уже с публикацией «Будденброков» диалог о бюргерстве у Т. Манна новым ракурсом, сосредоточенным на уровне повествования в романах о «запоздалом бюргерстве» (13.1,117): «Будденброках», «Волшебной горе» и «Признаниях авантюриста Феликса Круля». Кроме того, в работе на новом уровне показана структурообразующая роль материалов из семейного архива писателя не только для «Будденброков», но и более поздних произведений писателя.

Теоретическая значимость исследования состоит в применении нарратологических методов исследования в сочетании с теорией П. Бурдьё на материале романов Т. Манна.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении творчества Т. Манна и немецкой литературы рубежа XIX – XX вв. и первой половины XX в., в междисциплинарных исследованиях, рассматривающих связи социальной мифологии и литературного творчества, а также при разработке учебных курсов по истории зарубежной литературы рубежа XIX – XX вв. и первой половины XX в.

Апробация работы. Положения диссертации были отражены в пяти публикациях, три из которых – в журналах, рекомендованных ВАК министерства образования и науки, а также в двух докладах на конференции «Ломоносов» и двух выступлениях на конференции Общества юных исследователей творчества Т. Манна.

Структура исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение посвящено общей характеристике диссертации и истории вопроса. Кроме того, в качестве пролога к анализу романов обозначены историко-социальные, культурные и литературные предпосылки исследования, описано понятие бюргерства и его использование писателем. В частности, прослеживается связь феномена бюргерства в понимании Т. Манна и общественной роли литератора и очерчиваются понятия «бюргерский эстетизм» и бюргерская «форма жизни», которые писатель формулирует в своей эссеистике.

В первой главе «Бюргерская „форма жизни“ в структуре романа „Будденброки“» проводится сравнительный анализ романа и бюргерской семейной книги Маннов, рассматриваются стилистические заимствования из семейных документов и анализируется стилистическая игра с «бюргерским» языком, исследуется особая перспектива повествования, опосредованная бюргерским габитусом, а также отношением повествователя к бюргерским персонажам.

1.1. Семейная книга Маннов как основа событийной и временной структуры «Будденброков». Сохранившиеся в семье Маннов документы, включающие семейную хронику («библия»), официальные письма в городской совет, частные письма, завещания, путевой дневник и воспоминания деда писателя и другие семейные документы в своей сумме могут быть восприняты как бюргерская семейная книга. Подобное понимание сохранившихся документов соответствует характеру семейных книг, одному из видов хроники, бытовавшему в основном среди богатого купечества и восходящему к традиции позднего Средневековья и раннего Нового времени²⁹.

«Библией» тетрадь с сообщениями о важнейших семейных событиях называется, поскольку изначально записи делались в старой Виттенбергской Библии. Первая запись принадлежит прапрадеду писателя, Йоахиму Зигмунду Манну (1728-1799). Его записи были переписаны в согласии с актуальными правилами орфографии и дополнены его внуком, Иоганном Зигмундом Манном младшим (1797-1863) датами собственной жизни. Кроме того, Иоганн Манн представил в своих заметках своеобразную краткую автобиографию. Его сын, отец писателя, семейную „библию“ не продолжил.

²⁹ См.: Haus- und Familienbücher in der städtischen Gesellschaft des Spätmittelalters und der frühen Neuzeit / Hrsg. B. Studt. Köln [u. a.]: Böhlau, 2007. S. IX - 1.

При написании романа Т. Манн использовал вторую, переписанную и дополненную «библию».

Близость романа «Будденброки» семейной книге Маннов основана на сходстве фигурирующих в обоих текстах действующих лиц, отношений, их объединяющих, и событий, происходящих с ними. В обоих случаях исходной точкой выступает частная семейная жизнь, а основными событиями становятся рождение, крестины, начало профессиональной деятельности, свадьба, смерть. Дальнейшее сходство заключается в многочисленных упоминаниях болезней и несчастных случаев. В „библии“ перечислены все перенесенные детьми серьезные болезни; зачастую эти описания настолько преобладают в историях детей, что становятся основным содержанием их жизни. В «Будденброках» повествование как будто следует от одного описания болезни и смерти к другому.

Различие между событийным рядом «библии» и романа заключается в разводах Тони Будденброк (хроника останавливается на сообщении о замужестве Элизабет Манн). Они обладали в глазах Т. Манна большей событийностью по сравнению с остальными романскими происшествиями. При этом в «библии» семьи Манн события, не соответствующие представлению о бюргерском успехе, также зафиксированы, но они не выделяются на общем фоне. К примеру, у того предка, который «жил в достатке (*sehr gut gestanden*)» (1.2, 571), сгорел дом. Роман цитирует эту фразу, но ограничивается жизнеутверждающим сообщением об общем благополучии. Помимо этого, в романе событийный характер приобретают семейные праздники, всякий раз связанные со общественным статусом Будденброков. Дальнейшее отличие романа заключается в значении, придаваемом финансовому положению семьи. В „библии“ этот аспект семейной истории, как и коммерческая деятельность семьи, обойдены вниманием, тогда как в заметках к роману финансовым схемам (общий

капитал фирмы, приданное и наследство и т.п.) уделено не меньше внимания, чем временным. Структура романа, таким образом, в силу конструирующих ее событий неотделима от определенной социальной действительности.

Сосредоточенность Т. Манна на микроистории одного семейства приводит к тому, что жизнь его персонажей показана качественно иным образом, изнутри, исходя из их собственных норм и ценностей. Семейная хроника оказывается наиболее естественным способом изложения истории бюргерского семейства как форма, выработанная самим бюргерским миром.

Перенимая из бюргерской семейной хроники тип события и способ овладения временем, Т. Манн подчиняет обе характеристики законам романного жанра. Необходимость художественной целостности произведения требует устранения случайного: типичное событие выкристаллизовывается в согласии с лежащей в основе романа сюжетной схемой, соответствующей истории постепенного падения семьи Будденброк. Подобный сюжет предполагает точку отсчета, принимаемую за норму, постепенное отклонение от которой создает динамику повествования. Только с этой точки зрения скандальность (разводы Тони, поведение Христиана, смерть Томаса) может быть мерилom событийности. Т. Манн создает подобную норму, усиливая зависимость каждого значимого события от общественного мнения. В «библии» семьи Манн, напротив, зависимость от среды носит более органичный характер, поскольку реализуется через «жанр», то есть в самом способе повествования. В романе это означает вынужденное, во многом «навязанное» структурой повествования упрощение и схематизированность изначальной истории и жанрового своеобразия, свойственного семейной книге Маннов.

Аналогии в структуре образующего повествование события влекут за собой параллели на остальных уровнях организации текста. В частности, семейным характером событий определяется пространство романа, которое

изначально носит замкнутый, частный, но в то же время в определенных обстоятельствах (крестины, смерть, юбилей фирмы) светский характер и с течением действия все более замыкается на личном пространстве Ганно Будденброка.

Особенностью этого произведения является то, что оно посредством семейной книги Будденброков говорит о собственной природе семейной хроники. Временная структура книги Будденброков практически воспроизводит структуру «библии» Маннов. В семейной книге Будденброков присущая семейной хронике временная структура становится моделью романного повествования. Повествование в самом романе движется так же поступательно, датировано не только начало повествования (1835 г.), но и каждое событие в нем, иногда опосредовано (указан возраст персонажей, дата письма и т. п.). Подобная точность, как и множество временных схем в черновиках писателя, свидетельствует о структурообразующей роли хронологии. Такая структура времени образует ось повествования, что свойственно хронике.

Вразрез с историческим жанром семейных книг идет легкость, с которой писатель обходится с категорией авторства. Хранителем книги фактически выступает не глава семьи, а Тони Будденброк. Ганно без позволения отца проводит под своим именем черту, символизирующую конец истории семьи. С пресечением связи между прошлым и настоящим семейная хроника как тип повествования перестает определять романное повествование, хотя и не теряет полностью своей структурирующей роли. Решающим моментом в смене повествовательной стратегии выступают два эпизода, параллельные эпизоду с семейной книгой: сцена чтения Томасом философской книги и музыкальной импровизации Ганно. Все три эпизода выпадают из основного хода действия, повествование в них замедляется, сосредотачиваясь на переживаниях персонажа.

Взгляд консула обращен в прошлое, которое означает для него факт движения и развития. Томас Будденброк лишен этой поддержки. В структурном отношении подобная потеря связи с прошлым и будущим, одиночество Томаса означает невозможность продолжить роман как семейную хронику. Чтение философской книги словно сказалось не только на его отношении к жизни, но и на способе повествования; повествователь в определенной мере как бы воспринял иной способ рассказывания. Еще более полный выход за рамки привычной сдержанной манеры повествования осуществлен в эпизоде, изображающем игру Ганно на фортепьяно и стилистически очень близком описанию чтения Томасом Шопенгауэра³⁰. Воплощая импровизацию Ганно в слове, повествователь оставляет позицию наблюдателя, проникается воображаемыми звуками и изменяет привычной манере повествования³¹.

Однако роман не заканчивается импровизацией Ганно. Окончание музыкального фрагмента оформлено крайне сдержанно: «так прошел день в жизни маленького Иоганна» (I, 785). Затем следуют две главы, вмещающие смерть Ганно, сообщение о последующих событиях в жизни оставшихся Будденброков и изображение вечера прощания Герды. Романное повествование словно возвращается на круги своя; семейная хроника, несмотря на потерю значимости в структуре романа, также доводится до конца: роман заканчивается сообщением обо всех значимых событиях семейной истории.

1.2. Стилистические заимствования из семейной книги Маннов и «бюргерский» язык в «Будденброках». Бюргерский речевой габитус в «Будденброках» является определяющим в силу самого предмета

³⁰ См.: Swales, M. *Buddenbrooks. Family Life as the Mirror of Social Change*. Boston: Twayne, 1991. P. 85; Ryan, J. *Buddenbrooks: between realism and aestheticism // The Cambridge Companion to Thomas Mann / Ed. R. Robertson*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 119 – 137. Здесь – P. 129.

³¹ См.: Tribus, H.M. *Sprache und Stil in Thomas Manns Buddenbrooks*. The Ohio State University, Ph.D., 1966. S. 404.

изображения, бюргерского семейства, а также благодаря перспективе повествования, проникнутой симпатией к миру Будденброков. Само имя «Будденброки» (Buddenbrooks) было выбрано, по признанию Т. Манна, как «нижненемецкая, но при этом не звучащая комично фамилия». Семейные документы Маннов в определенной степени определяют стиль повествования в романе, в частности, словесные портреты Иоганна и Жана Будденброков во многом построены на основе манеры повествования Иоганна и Йоахима Манна. Самым заметным стилистическим заимствованием при этом являются записи консула в семейной книге Будденброков. В них повторяются отдельные выражения Йоахима Манна, молитвы, вставленные в текст, практически списаны из „библии“. Язык «библии» сопровождает фигуры консула и его супруги на протяжении всего романа.

Однако роман вбирает в себя гораздо более широкий спектр языковых стилей³², начиная с характерной речи старого Будденброка, мешающего французский и нижненемецкий. Консул и его сын Томас также владеют диалектом, однако для них это больше не естественный язык общения, но язык работы. Обратной стороной подобной открытости миру простых горожан является некий предел в изысканности, поставленный коммерческой элите города. Безупречность костюма и речи Томаса Будденброка настораживает бюргерское общество, и, по всей видимости, вызывает симпатию и сочувствие повествователя.

Подобное отношение усредненного бюргерского общества к манере речи Томаса свидетельствует о существовании некой языковой нормы, которой подчиняются или от которой отталкиваются персонажи романа. В немалой степени владение этой нормой позволяет Бендиксу Грюнлиху

³² О языковой полифонии в «Будденброках» см.: Wilpert, G. von. Sprachliche Polyphonie: Sprachebenen und Dialekte// Buddenbrook-Handbuch / Hrsg. K. Moulden, G. von Wilpert Gero. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1988. S. 145 – 157.

расположить к себе консула Будденброка. Грюнлих пользуется стилистическими регистрами, характерными для самого Будденброка: сухим и деловым стилем консула и его же манерой обращения к Богу.

Голос повествователя выступает при этом некой нейтральной точкой отсчета, своеобразной нормой, на фоне которой речь персонажей становится маркированной. Кроме того, повествователь в «Будденброках» активно использует стилистические особенности речи персонажей в качестве средства их включения или исключения из описываемого бюргерского общества (к примеру, диалектизмы в речи Кеппена и Алоиса Перманедера).

1.3. Бюргерский габитус и перспектива повествования в «Будденброках». Анализ перспективы повествования в «Будденброках», сосредоточенный на бюргерском габитусе как предполагаемой исходной позиции, демонстрирует не просто актуальность бюргерской картины мира, но ее неявную, скрытую роль в построении романного повествования.

Особым значением при этом обладает начало романа. Первая сцена, первое представление и описание персонажей обусловлены определенной социально заданной моделью. Повествователь словно следует нормам поведения, свойственным его персонажам. Устойчивость этой перспективы видна при сравнении сцены новоселья с изображением праздников Рождества и столетнего юбилея фирмы. Все три сцены представляют собой ключевые события семейной истории, и, следовательно, романного повествования. Однозначность первой сцены, омраченной лишь тревожными предзнаменованиями, сменяется более сложными и нюансированными ситуациями, когда неблагополучие увеличивает дистанцию по отношению к общественному императиву и у протагонистов романа, и у повествователя. Повествователь, сочувствующий своим героям и сосредоточенный в первую очередь на их личной истории, а не социальной жизни, с одной стороны,

оказывается выше требований городского бюргерства и семейной чести; с другой стороны, не выходит за рамки бюргерского габитуса.

Подтверждением этой особенности перспективы повествования в романе также выступают умолчания, природа которых в «Будденброках» во многом согласуется с запретами бюргерской среды на определенные темы (прежде всего, интимная жизнь персонажей). Кроме того, повествователь в «Будденброках» зачастую использует перспективу персонажей при создании той или иной сюжетной линии. Особенно интересна в этом отношении фигура Тони с ее фанатичной преданностью интересам семьи. Точка зрения Тони – о чем часто забывают исследователи – определяет образ семьи Хагенштрем как в оценочном, так и в эмоциональном плане. При этом характеристика самой Тони в немалой степени создается при помощи того же приема: ее оценка продиктована перспективой консула и Томаса.

Повествователь с самого начала своего рассказа переживает гибель описываемого им мира и испытывает к нему глубокую симпатию. Она звучит в первой сцене романа и в самом его конце: странная нежность, непозволительная в бюргерском мире, слышится в рассказе о последней встрече Ганно и Кая. Симпатия к персонажам приводит к тому, что повествование постепенно становится все более личным, а значит, теряет связь с бюргерской «нормой», переставшей в определенный момент определять жизнь семьи Будденброк. Особенно это заметно в описаниях предчувствий смерти Томаса и переживаний Ганно. Повествователь, тем не менее, не позволяет себе до конца поддаться миметическому порыву, он всякий раз возвращается на позицию стороннего наблюдателя.

Ирония повествователя, внимание к образу Ганно, упадок Будденброков не сказываются с ожидаемой непосредственностью на романном повествовании. Так же и разрушение повествовательной структуры семейной хроники не означало, что роман остановится на

полуслове. В этом отношении можно говорить об отставании формы выражения от смысла, который она призвана выразить. Подспудное влияние бюргерской картины мира на уровне повествования оказывается сильнее «распада».

Во **второй главе** «Игра в бюргера: феномен бюргерства и повествовательный метод в „Признаниях авантюриста Феликса Круля“ и „Волшебной горе“» «бюргерские» черты повествователя в «Будденброках» сравниваются с другим повествователем, играющим «бюргерским» слогом: Феликсом Крулем. После этого анализируется роль бюргерского мира в структуре обоих романов и исследуется роль бюргерского начала на уровне повествования в «Волшебной горе».

2.1. Роль бюргерского начала в структуре романов «Признания авантюриста Феликса Круля» и «Волшебная гора». Трактовка темы бюргерского на уровне повествования в обоих романах с одной стороны, продолжает наметившиеся уже в «Будденброках» тенденции. С другой стороны, повторение и изменившаяся дистанция являются свидетельством все возрастающего отстранения и в то же время необходимости постоянного возвращения к собственному происхождению.

Естественность «бюргерского» повествования в «Будденброках» особенно очевидна в сравнении с игровым повествованием в «Признаниях авантюриста Феликса Круля». Этот пикарескный роман, сопровождавший Т. Манна на протяжении почти пятидесяти лет, развивает тему бюргерского существования после «гражданской / бюргерской смерти (bürgerlicher Tod)» (VI, 327). Тем не менее, главный герой и вместе с тем рассказчик Феликс Круль не переходит в иное сословие; освободившись от серьезности бюргерских правил и взяв на вооружение обман и видимость, он по-прежнему всеми силами стремится в сердцевину жизни богатого бюргерства: «Отныне я намерен еще с большим тщанием следить за чистотой стиля и

благоприличием оборотов, дабы вышедшее из-под моего пера могло читаться и в самых лучших домах» (VI, 320). В этом отношении Феликс Круль наследует Бенедиксу Грюнлиху. Мастерство Т. Манна состоит в способности передать неоднозначность свободы Круля, творческий потенциал его положения посредством языка, через повествование.

Фигура рассказчика Круля, исходя из этой перспективы, оказывается преломлением фигуры повествователя в «Будденброках». «Бюргерская смерть» становится залогом свободы, условием творческого существования. Круль, создающий свою автобиографию, и повествователь «Будденброков», пытающийся рассказать, а значит, интерпретировать падение ганзейского бюргерства, не отторгают бюргерский мир, поскольку он является условием их творчества, своеобразным материалом. Тем не менее, появление рассказчика говорит о произошедшей перемене отношения повествователя к описываемому миру и смене модуса повествования.

Роман о Феликсе Круле и «Волшебную гору» объединяет один и тот же сюжетный ход: выход героя за пределы родного ему мира; в случае Т. Манна – это бюргерский мир. Бинарная семантическая оппозиция³³ пролегает в обоих романах между бюргерским миром и неким неизвестным миром за его пределами. Ганс Касторп и Феликс Круль выходят за рамки не просто привычного мира, но за пределы его требований к индивиду. Тем не менее, Касторп, как и Круль, живет за счет бюргерского капитала своих предков.

По сравнению с «Будденброками» меняется условие событийности: теперь это выход за пределы родительского мира. Этот мир теряет собственную безотносительную значимость и становится важен как четкая, знакомая и потому вполне определяемая предпосылка, необходимая для

³³ См.: Лотман, Ю. М. Структура художественного текста // Лотман, Ю. М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – С. 14–288.

развертывания повествования. Противопоставление бюргерского и небюргерского переносится на уровень повествовательной структуры. Таким образом бинарная оппозиция, лежавшая в основе первых изображенных Т. Манном характеров (прежде всего, образа художника-бюргера), также переносится на иной уровень, не теряя при этом своей значимости, но освобождая и героя, и повествователя от сковывающих и упрощающих рамок бинарного противопоставления.

Отличие «Признаний авантюриста Феликса Круля» и «Волшебной горы» от романа «Будденброки» иллюстрирует все большее подчинение темы бюргерского и ее раскрытия на уровне повествования в произведениях Т. Манна не конкретным социально детерминируемым реалиям, а внутренней логике творческого процесса и литературной традиции.

2.2. Особенности изображения бюргерского мира в «Волшебной горе» и отношение к нему повествователя. Разрыв времен, декларируемый во вступлении в «Волшебной горе», приводит к тому, что размышление о бюргерском осуществляется в романе на разных уровнях повествования. Это, с одной стороны, изображение «нижнего мира», предыстории Ганса, с другой стороны, своеобразный анализ бюргерского начала, проведенный в рамках повествования о «верхнем мире».

Изображение вынесенного за пределы романного действия «нижнего» мира, как и изображение детства Феликса Круля, практически воспроизводит знакомые по «Будденброкам» структуру и приемы повествования, но в ироническом или комическом преломлении. Совпадает прежде всего отбор элементов, составляющих бюргерскую сферу. Особенно важны эти параллели между «Будденброками» и «Волшебной горой». В позднем романе снова появляется образ северонемецкого самоуправляемого города-порта, а герои принадлежат к среде городского патрициата. Как и в «Будденброках» развитие действия сосредоточено в доме. Особую роль в

этом мире играет фигура деда, хранителя семейной реликвии (наследная купель), вызывающая пиетет не только персонажей, но и повествователя. Фигура Ганса Лоренца Касторпа, в отличие от старого Будденброка, принадлежит скорее мифу, чем реальности. Это значимое изменение, обоснованное Т. Манном в эссеистике. Привлекают внимание в изображении предыстории Ганса Касторпа умолчания (мотив эротического, звучащий уже начиная с третьей главы). Подобная ограниченность вступает в явное противоречие с заявлениями повествователя о собственном стремлении к объективности, хотя вполне согласуется со знакомой по «Будденброкам» бюргерской перспективой повествования.

Бюргерский мир в полный голос заявляет о себе в «Волшебной горе» еще раз – в шестой главе в сцене визита консула Тинапеля, которая выстроена параллельно первой главе романа, но обладает гораздо меньшей драматичностью. Благодаря подобному повествовательному решению образ «нижнего мира» оказывается окончательно связанным с фигурой повтора.

2.3. Бюргерское начало на уровне повествования в «Волшебной горе»: поведение персонажей, перспектива повествования, стилистические особенности воспроизведения. Помимо изображения «нижнего» мира, тема бюргерского поднимается в психоаналитических лекциях доктора Кроковского и в спорах Сеттембрини и Нафты. Характерно, что и психоанализ, и гражданская мысль Просвещения, и своеобразная интерпретация коммунизма Нафты звучат в романе как чужое слово и довольно четко связаны с определенной языковой ситуацией, а именно лекции или спора. Кроме того, Сеттембрини объединяет в себе два начала, «гражданское (staatsbürgerliche) деда и гуманистическое отца» (5.1, 242), и открывает перед Гансом Касторпом мир иного бюргерства, романского образца. Благодаря включению в новый культурный контекст бюргерское начало перерастает уровень индивидуального и выступает как социальная и

культурная сила. Пристальный взгляд на замкнутый мир северонемецкого бюргерства из «Будденброков» и второй главы «Волшебной горы» сменяется культурно-исторической панорамой Европы. Однако изображение северонемецкого бюргерства не переходит в изображение бюргерства европейского или хотя бы общенемецкого. Последнее остается идеей, абстрактной величиной.

Кроме того, бюргерская «форма жизни» в «Бергхофе» по-прежнему определяет отношения между персонажами. К примеру, оценка Клавдии Шоша обусловлена сословными понятиями Ганса Касторпа. Ее жизнь скандальна и неприемлема в рамках бюргерского мира, изображенного во второй главе романа. Бюргерский взгляд определяется уже при первом появлении героини, сигналом которого выступает звук захлопывающейся двери, возмутительная невоспитанность в понимании Ганса Касторпа («это же невоспитанность» (5.1, 120)). Его внимание к вошедшей гостье замечает «старая дева» (5.1, 120) учительница Энгельхардт. Женские фигуры оттеняют друг друга: мадам Шоша притягательна не только благодаря комментарию Энгельхардт «восхитительная женщина» (5.1, 119), но и по контрасту с образом пожилой учительницы, воплощающей скованность приличиями. Ирония повествователя, однако, представляет в двояком свете возмущение Ганса Касторпа, а вместе с ним и сам бюргерский габитус, подчеркивая таким образом ограниченность порожденных им суждений.

Если в «Будденброках» повествователь имел дело с однородным социальным пространством и выходил за пределы мира ганзейского бюргерства только в пространство искусства, то в «Волшебной горе» усложнение проблематики бюргерского мира предполагает более сложное и трудно определяемое отношение к нему. Тем не менее, повествователь в «Волшебной горе» по-прежнему опирается на бюргерские нормы и приличия (обращения «ты» – «Вы», на которых повествователь несколько раз

останавливает свое внимание, или значение, придаваемое им шляпе – детали гардероба, обязательной в «нижнем» мире). Повествование в романах о неудавшихся бюргерах больше тяготеет к «бюргерской» форме, чем к передаче социально-исторической действительности бюргерской жизни.

В **заключении** содержатся основные выводы диссертации и обозначаются возможные пути дальнейших исследований.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях**:

1. Семейная книга Маннов и ее интерпретация в романе Т. Манна «Будденброки» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2013. – № 4. - С. 62–66.
2. От любекского патриция к «одному простому молодому человеку» (Бюргерский герой и взгляд повествователя в «Будденброках» и «Волшебной горе» Томаса Манна) // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2014. – № 1. – С. 172 – 179.
3. Осознание через повторение: бюргерское начало в романах Томаса Манна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 7 (37). – Часть 2. – С. 119 – 122.
4. Der Begriff „vornehm“ bei Thomas Mann // Wortkunst ohne Zweifel. Aspekte der Sprache bei Thomas Mann / Hrsg. Max, Katrin. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2013. S. 65 – 76.
5. Гете и бюргерство в романе Т. Манна «Лотта в Веймаре» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010» / Ред. Алешковский И. А., Костылев П. Н., Андреев А. И., Андриянов А. В. М.: МАКС Пресс, 2010. [Электронный ресурс] – URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2010/24-21.pdf (дата обращения: 14.11.2014).